

Марк ПЕКАРСКИЙ:

"Не уехать и не спиться — таков был мой андеграунд"

Человек, бьющий в барабан или в бубен и не использующий при этом сопровождения других музыкальных инструментов, как правило, ассоциируется с косматым шаманом или с его темнокожим коллегой в травяной юбочке и с ожерельем из акулиных зубов. Некие аналогии существуют и в средней полосе России, например, мастер бикапони Герман Виноградов.

Однако деятельность Марка Пекарского, руководителя ансамбля ударных инструментов, основывается на иных началах — на началах современной композиционной музыки. Это очевидно даже из внешних признаков — строгий концертный костюм с традиционным галстуком-бабочкой, наличие нотной записи его произведений, определение музыкальных «союзов»: например, один из его концертов называется «Вместе с Джоном Кейджем»...

При этом Пекарский отнюдь не консервативен. Как и всякий серьезный современный композитор, он ищет пути синтеза различных искусств. Поэтому не случайно наш разговор произошел в галерее «Велта», где маэстро совместно с художником Александром Белицким демонстрировали публике взаимопроникновение звука, линии и пластики.

— В некоторых произведениях ваш ансамбль использует нотную запись, в некоторых обходится без нее. Означает ли это, что во втором случае вы играете чисто импровизационную музыку?

— Отнюдь нет. Некоторые вещи мы играем наизусть, и в этом случае никаких «шпаргалок» нам не требуется. Другие — вещи мобильные, меняющиеся при каждом исполнении, т. е. импровизационные, требуют иметь перед глазами ноты. В них излагаются правила движения звука, которые неизменны, но игра при этом может быть разной. Таковы законы нашей импровизации.

— Ваша музыка основывается прежде всего на ритме — факторе чрезвычайно сложном и малоизученном. Ритмы пронизывают и микромир, и Вселенную. Учитываете ли вы в своей исполнительской практике какие-нибудь астрологические моменты, влияющие на прохождение тех или иных ритмических рисунков?

— Несомненно, все это вещи взаимосвязанные. Но мы имеем дело с музыкой написанной и не ставим самоцелью импровизацию, учитывающую состояние космоса. Так что для своих концертов не выбираем какое-то особое время, соотносящееся с расположением планет. Да мы, собственно, с астрологами дела-то и не имеем. Не потому, что их отрицаем, а просто тихо и мирно делаем свое дело.

Если концерт намечен, то для нас не важно, на какое время он назначен. Мы специально этой проблемой не занимаемся, хотя она и существует. Иногда я внутренне ощущаю связь наших ритмов с какими-то глобальными ритмами.

— Определенные ультранизкие частоты способны сводить человека с ума, заставлять пассажиров в панике выбрасываться за борт корабля, о чем существуют свидетельства. Вы никогда не занимались такими экспериментами?

— Да, есть такие частоты, есть и другие — способные все разрушать. Но зачем же с этим работать, зачем идти против человеческого естества? Мы работаем в обычном диапазоне, который воспринимает человеческое ухо. При этом порой происходят вещи, совершенно противоположные рассказанным вами ужасам. К нам на концерт приходят люди с головной болью, а уходят без нее. Мы специально не занимаемся этой проблемой, но побочный медицинский эффект тем не менее присутствует. Ведь ритм и звук — вещи малоисследованные.

Многие люди говорят, что на наших концертах они получают энергетический заряд. Более того, я знаю людей с определенными психическими отклонениями, которые регулярно нас слушают, что стабилизирует их психику. Порой наша музыка помогает и людям с какими-то хроническими заболеваниями. Но я не хочу изображать из себя какого-нибудь Кашпировского или Чумака. Я занимаюсь лишь музыкой и никакими медицинскими задачами перед собой не ставлю.

— А вас концерты заряжают?

— Я получаю скорее отрицательный заряд. После концерта возникает некий вакуум, который непонятно чем заполнить.

— Художник работает с реально существующими красками, которые не всегда могут удовлетворить его замыслы, скульптор и архитектор — с конкретными материалами, музыкант — с реальными, а не идеальными инструментами. То есть существует проблема сопротивления среды, материалов. Насколько она для вас актуальна?

— Всегда существует зазор между идеалом и реальностью. И от этого никуда не денешься. С одной стороны, это мешает, с другой — с этим можно работать. Вот и сегодня в этом зале была реальная среда — не совсем благополучная для нас акустика. Мы громкие, а здесь как в бане. И с этим пришлось счи-

Гость «ВК» Велта, Казань, 1994, 2 номер, с. 7.

таться, пришлось преодолевать эту среду. Но это и интересно — находить в себе какие-то новые возможности. Я люблю преодолевать трудности, разрешать проблемы. Думаю, это и есть повод для творчества. Так что проблемы даются нам во благо. К тому же человек устроен так, что если у него нет проблем, то он начинает скучать, думать уже не об искусстве, а о теплой ванне и отапливаемом клозете. Но сопротивление материалов должно быть естественным, а не сопротивлением, скажем, какого-нибудь ждановского райкома.

— Как для вас прошел переход из андеграунда в нынешнюю ситуацию?

— Дело в том, что с андеграундом у нас произошла какая-то странная история. Все сейчас беспрерывно произносятся это красивое слово. А я его не заметил, и в этом нет никакой рисовки. Да, мне было трудно, мне никто не помогал. Но никто и не мешал, я делал все, что хотел. Эпоху застоя я прошел, как бы ее и не заметив, что помогло мне сохраниться — не уехать, не спиться, не утопиться, не застрелиться и все такое прочее. Вот и весь мой андеграунд. И когда я теперь читаю в газетах, вижу по телевизору стенания и жалобы, то мне это непонятно. Раньше трудности были одни, сейчас другие, вот и вся разница.

Ведь внешние сложности были всегда. И всегда будут, в чем я абсолютно уверен. Если раньше давило государство, то теперь дают деньги. Причины разные, но у нас по-прежнему мало концертов в Москве. Ведь для того

наш концерт. Так что ему было довольно просто влиться в ансамбль. Но это случай исключительный. Людям, всю жизнь воспитывавшимся на какой-то другой музыкальной культуре, у нас очень трудно. Потому что у меня большая текучка и большие проблемы с поиском коллег.

— Насколько для вас характерен синтез искусств, который вы сегодня продемонстрировали в этом выставочном зале?

— Дело в том, что все разговоры о чистой музыке — это блеф, несбыточная мечта. Даже человек, слушающий дома «дистиллированную» запись, не может отрешиться от всех посторонних ощущений. Так устроен человек. Закрыв глаза, он будет ощущать движение воздуха, запахи, кресло, в котором сидит. Я не знаю людей, которые, слушая музыку, становятся нематериальными.

А если мы идем в концерт — видим на сцене пиюитры, стулья, инструменты, красивые портреты композиторов. Потом выходят музыканты, садятся, настраиваются. Выходит дирижер — поклон туда, поклон сюда, взмах палочки... Все это уже театр, и от этого никуда не деться.

А если взять, скажем, эпоху Ренессанса и вспомнить хотя бы одного Леонардо да Винчи, то все становится ясно — нет ничего чистого и дистиллированного. Есть только совокупность знаний. А искусство — это то же знание, только интуитивное. Поэтому мы с такой готовностью идем на контакты с различными искусствами, которые наконец-то раскрыли свои двери. И превратились из квартир с изолированными комнатами для начала хотя бы в квартиру со смежными комнатами.

— Какое из смежных искусств вам наиболее интересно?

— То, которым я в данный момент занимаюсь. Вот у меня трое детей. И когда меня спрашивают, кого из них я больше люблю, то я отвечаю: «А того, которого сейчас вижу». Если вижу всех троих, то любви у меня хватает на всех троих.

Точно так же и с искусствами — живописью, поэзией, театром, скульптурой...

— Вы взаимодействуете и со скульптурой?

— Да, у нас есть спектакль по Сидуру с музыкой Александра Бакиши. Он называется «Мистерия», в нем отражены художественные образы Вадима Сидура.

— Где его можно увидеть?

— Впервые мы показали этот спектакль на театральном фестивале в Париже, заявив о себе как о театре. В прошлом году творческие мастерские Союза театральных деятелей сняли для нас помещение Еврейского камерного музыкального театра, и мы играли «Мистерию» целый сезон. В этом году на это нет денег. Но в июле мы собираемся релетировать с режиссером Валерием Фокиным и по возможности еще показать «Мистерию» московской публике. Но существуют определенные материальные трудности.

— А каковы ваши ближайшие планы?

— В апреле в Манеже, где построен специальный павильон, будем играть в спектакле Фокина «Гостиница в городе NN». Это синтез — одновременно и драматический, и музыкальный спектакль. Съездим в Ригу, где дадим два концерта. Ну и по возможности постараемся не упустить какие-нибудь дополнительные, незапланированные возможности. Как это сегодня случилось в галерее «Велта».

Интервью взял Владимир ТУЧКОВ.

Фото Александра ТИМОШЕНКО.